

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛОСОЗИДАНИЯ

В статье автор размышляет о том, что, несмотря на колоссальный научно-технический прогресс, высшим достижением человечества остается идея Бога, и почему современный «научно-оснащенный», предметно и ментально, человек в процессе созидания смысла своей жизни часто не может без нее обойтись.

В народе говорят, что люди, которые много читали и долго думали, знают, что Бога нет, а люди, которые читали еще больше и еще дольше размышляли, понимают, что он есть.

Истина первых – Большой взрыв сингулярной точки (так называемого начального состояния Вселенной). Под действием взрывной волны сгусток плазмы начал расширяться, рождая пространство и время. Факт расширения был экспериментально подтвержден еще в 1929 г. американским астрономом Э. Хабблом, открывшим явление «красного смещения». Взрыв произошел одновременно и повсюду, заполнив пространство горячим веществом, из которого через миллиарды лет образовались все наблюдаемые тела Вселенной – звезды, планеты, галактики. Поскольку Метагалактика предстала нестационарным объектом, с помощью гравитационных уравнений общей теории относительности можно рассчитать, как будет происходить расширение. Расширение может смениться сжатием или полным разбеганием и тогда, возможно, «тепловой смертью» Вселенной, если Метагалактика окажется замкнутой системой.

Впрочем, гораздо раньше, приблизительно через пять миллиардов лет наша Галактика «Млечный путь» столкнется с соседней Галактикой «Туманностью Андромеды». Как утверждают ученые, скорость их сближения составляет 500 километров в час. В этом столкновении погибнут обе Галактики.

Впрочем, еще раньше, примерно через два миллиарда лет в недрах нашего светила иссякнет водородное топливо. Термоядерные реакции по превращению водорода в гелий прекратятся, и высшие формы жизни на космическом теле, именуемом нами Землей, станут невозможными. С угасанием Солнца рутинный космический физико-химический процесс будет продол-

жаться, не ведая о тайных желаниях гордеца, возмнившего, что мир создан для него, а себя мерой этого грандиозного явления.

Наконец, не стоит, думаю, даже напоминать о том, что сам человек, мера всех вещей, тоже смертен.

Такова истина первых. Эта истина неизбежности тотальной гибели столь разрушительна, что от нее может разорваться сердце. Тотчас же всплывают в памяти потрясающие по глубине проникновения в суть проблемы слова Ф. М. Достоевского о том, что он истине предпочтет Христа.

Как гласит чья-то мудрость, человек, не жаждущий истины и смысла жизни, подобен ложке, которая не ведает вкуса похлебки. Действительно, без смысла и истины жизнь для человека безвкусна. Его желание истины и притязания на нее так же неоспоримы, как право на жизнь. Человек хочет знать истину и жаждет обрести смысл жизни, но под смыслом жизни он подразумевает истину, непременно приятную для себя, вселяющую оптимизм, заряжающую на жизнестроительство, вдохновляющую на преодоление лишений и трудностей. Однако научная истина не может быть позитивной или негативной, приятной или неприятной, она вообще обитает «по ту сторону добра и зла».

Нередко понятия «цели» и «смысла» отождествляют и пишут: цель (смысл) жизни. Так ли это? Как связаны между собой цели и смыслы?

Общеизвестно, что целеполагание с необходимостью сопровождается любую человеческую деятельность. А источным началом индивидуально-личностного целеполагания является потребность. Потребность переживается индивидом как состояние неудовлетворенности, ощущение дискомфорта, которые выступают стимулом поиска объекта, способного эту психическую напряженность снять. Поэтому потребность осознается человеком как цель или идеальный образ будущего желаемого результата деятельности. Цель, таким образом, становится руководством к действию. Смысл же всегда впереди как объяснение, зачем эта цель была поставлена и зачем ее нужно реализовать.

Допустим, цель – закончить вуз, смысл – получить хорошее образование. Цель – получить хорошее образование, смысл – найти престижную работу. Цель – найти престижную работу, смысл – сделать блестящую карьеру. Цель – сделать блестящую карьеру, смысл – обеспечить благополучную жизнь и т. д.

Виртуальность «идеальных вещей», существующих в сознании человека, позволяет каждой из них превратиться в любую другую. Не только «цели» и «смыслы» в сознании индивида постоянно меняются местами, но и, скажем, «розовая» мечта детства или «сумасшедшая» идея могут послужить началом целеполагания или стать смыслом человеческих действий.

Итак, вне человека никакого смысла нет, смыслы творятся, созидаются людьми в их бытии. Смысл как объяснение – это вопрос, которым человек «озадачивает» сам себя, а если не «озадачивает», то и смысл для него отсутствует. Это, в частности, объясняет, почему обыденное сознание способно существовать без смысла жизни.

Суэта обыденности, до краев заполненная заботами, настолько захватывающа и самодостаточна, что человек уверен, зачем размышлять о том, в чем ты растворен, реально существуешь. Надо жить, а не рассуждать о смысле жизни. Если, к тому же, в этом стремительном бытии человеку удастся исполнить себя, состояться, ощущать себя хозяином собственной судьбы, а потому испытывать чувство самоуважения, то такому человеку проблема смысла жизни может показаться надуманной и почти неуместной. Захваченный жизненным потоком индивид реализует одну цель за другой, не утруждая себя объяснением «а зачем?», т. е. проблемой смысла. Так можно жить, как писал Л. Н. Толстой, «покуда пьян жизнью» [1].

Процессы постановки цели и ее осуществления (а, в конечном счете, удовлетворения потребности) всегда опосредованы волей и верой. Иными словами, воля и вера не входят в структуру целеполагания, но сопровождают его от начала до конца.

И. П. Павлов обнаружил зародыш воли еще у животных в виде «рефлекса свободы», т. е. реакции на преграду, на ограниченные двигательной активности. Воля – одна из древнейших потребностей, она тянет человека к труднодоступному. Волевым усилием индивид способен погасить эмоции, отказаться от унижительной зависимости от вредной привычки, собственной слабости, преодолеть внутренние препятствия (конкурирующие мотивы) и т. д.

Но есть и другая потребность – «снимающая» волю противоположность, а именно – вера. Это специфическая человеческая потребность, корни которой следует искать не в биологическом, а

в нашем родовом прошлом. Если воля есть наступление на наши слабости, то вера – оправдание их. Уверенность в правильности осуществляемого присутствует в каждом человеческом действии: выдвигая перед собой определенную цель, человек верит, что поступает правильно, а пять минут спустя, отказавшись от нее, вновь уверен, что действует верно. За этой уверенностью стоит правда потребностей: с какой стати, думает всякое живое существо, я буду поступать во вред себе, это противоестественно – потребность всегда права. А поскольку человек не отделим от своей деятельности, то вера, по образному выражению А. С. Хомякова – «живознание», сопровождает любое человеческое деяние.

Почему вера сопровождает иницирующую ее потребность? Потому что, веруя, надо знать «во что», но именно этого «во что» и нет в самом процессе верования. Поэтому вера не существует сама по себе, а всегда сопутствует другой потребности, иницировавшей индивидуальное действие. Вера как потребность объясняет, почему религия пронизывает всю человеческую историю и не обходит стороной ни одну нацию. Религия как раз и удовлетворяет эту специфическую человеческую потребность в ее высших формах.

Смертный в смертном мире рассуждает так: «Я знаю, что век мой короток, но не знаю, что ожидает меня за порогом смерти, и хочу верить, что там грядет вечная жизнь». Можно сказать, вера (и «живознание», и религиозная) – это убежденность человека в том, чего он не знает, но желает. В отличие от науки, исходный посыл и фундаментальная идея всех без исключения религий – это не констатация летальности, а преодоление смерти, победа над нею.

Признать бессмысленность человеческого бытия – страшно, невозможно, непереносимо. Л. Н. Толстой в «Исповеди» перечисляет несколько «выходов» для человека, осознавшего бессмысленность жизни. Выход «неведения» – растительное существование индивида, не поднявшегося до осознания проблемности жизни; выход «эпикурейства» – осознавая бессмыслицу жизни, наслаждаться каждым ее мгновением, не думая о будущем; выход «слабости» – понимая бессмысленность жизни, продолжать «тянуть лямку»; выход «силы» – осознав бессмысленность жизни, добровольно уйти из нее [2].

Неморальность, некрасивость, непереносимость этих выводов заставляет Толстого искать и найти пятый «выход» – в религии. Бессмысленна жизнь в ее земной ипостаси, поэтому надо стремиться к Богу, к тому, что только и придает смысл земному существованию.

Идея Бога не только восстанавливает смысл земного существования, но и объясняет, почему мир полон страданий: ведь жизнь человеческая мыслится как состоящая из двух жизней, причем первая земная, по сути, преджизнь, – испытание, определяющее характер второй вечной жизни. Идея Бога возрождает человека, превращая из одинокого и беспокойного в усыновленного и убежденного в окончательной победе справедливости, столь желаемой, но достижимой лишь в мире, лишенном изъянов этого мира. Человек стремится к Богу для того, чтобы достичь состояния, когда ему, заброшенному в этот бескрайний мир, становится все ясно о себе и своих целях. Идея Бога меняет психику человека. Неотъемлемая часть психики неверующего – страх смерти, который, будучи отрефлексированным, становится источником пожизненных мучительных дум и переживаний. Верующий свободен от страха смерти, ведь для него смерти нет. Пока есть вера, перенося все в этом детерминированном смертностью мире – и обиды, и лишения, и несправедливости, и утраты. Именно поэтому, думаю, Достоевский понимал смерть Бога как самое страшное несчастье для человека.

Но вернемся к «целям» и «смыслам». Итак, цель – руководство к действию, смысл – объяснение, зачем цель поставлена и должна быть реализована, т. е. цели и смыслы различаются по функциям. Но они различаются не только по функциям, они суть разновеликие ценности.

Цель – это личностная ценность, необходимая для осуществления жизнедеятельности человека. Смысл же может иметь не только личностную, но и надличностную ценность. Надличностная ценность словно мостик соединяет индивида с социальной историей. Как незримая нить она связывает человека с общностью: социальной группой, нацией, этносом, человечеством, позволяет ощущать себя частью иного целого, большего, чем твоя индивидуальная целостность. Тогда собственная жизнь уже предстает не чем-то конечным, но неотъемлемой частью общего потока, и то, что будет происходить с другими и даже после тебя, на-

чинает иметь к тебе прямое отношение. Таким образом, цель как личностная ценность необходима для жизни, а жизнь – для смысла как надличностной ценности.

Созидание смысла жизни – это обретение человеком надличностной ценности наивысшего порядка. У неверующего самой большой ценностью является жизнь, а у верующего – не только посю-, но и потустороннее бытие. Верующий оказывается обладателем наивысшей надличностной ценности, больше которой и быть не может, – это идея Бога.

Вот и получается, что ни одна земная идея – ни идея свободы, ни идея демократии, ни идея общества всеобщего благоденствия – не дают человеку больше, чем идея Бога, ибо все эти прекрасные идеи оставляют открытыми вопросы: Зачем свобода? Для чего демократия? К чему благоденствие? – если все смертно.

Вопрос о том, существует Бог или нет, в данном контексте не так уж и важен. Если человек верит и живет во имя веры, то для него существование Бога – абсолютная истина.

Итак, разница между наукой и религией состоит в том, что научная истина, констатирующая онтологическую бессмыслицу бытия, живет вне человеческих смыслов, на нее, равнодушную к человеку и человечеству, нельзя опереться духом, религия же дарит индивиду долгожданное совпадение истины и смысла жизни.

Примечания

1. Толстой Л. Н. Исповедь // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 56.

2. Там же.

ГОРДАШЕВСКАЯ В. Д.

СООТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Социально-экономические изменения, происходящие в России, коренным образом изменили общественное и индивидуальное сознание, нравственные ориентации людей. Сложно однозначно оценить процессы этих изменений, однако можно выделить тенденции современного развития и понимания нравственности в современной России. Противоречия, возникающие в обществе на почве кризиса нравственных установок, кроются во